

Ежи Литвинов

**Религиозные мотивы в творчестве
Александра Грина**

Studia Rossica Posnaniensia 23, 47-52

1993

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez **Muzeum Historii Polski** w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

РЕЛИГИОЗНЫЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ АЛЕКСАНДРА ГРИНА

RELIGIOUS MOTIVES IN ALEXANDER GRIN'S WORKS

ЕЖИ ЛИТВИНОВ

АБСТРАКТ. In this article the author showed a strong pressure of decadent ideas onto Grin's relation to Christian religion and to its motives which found expression in their ancillary function towards the writer's ethic and aesthetics.

Jerzy Litwinow, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza, Instytut Filologii Rosyjskiej, al. Niepodległości 4, 60-874 Poznań, Polska-Poland.

В настоящее время уже доказана неразрывная связь творчества Александра Грина с литературой и вообще культурой эпохи модернизма, то есть с важным переломным этапом на рубеже XIX и XX веков¹. Это особенно ярко проявилось в соединении его наследия с тогдашним русским литературным, на самом деле, эклектическим процессом. Поэтому творчество Грина надо рассматривать масштабно, независимо от неравнозначности многих его произведений.

Итак наследие Грина отражающее тенденции времени, также свидетельствует о его эклектичности. В творчестве писателя, как в призме, переломляются, переплетаются различные положения литературных направлений начала века. Это особенно отчетливо проявилось в поэтике не только ранних, но также и последних произведений писателя, то есть созданных уже в конце двадцатых годов.

Естественно такая тесная связь творчества автора *Дороги никуда* с литературным процессом начала века, века повышенной заинтересованности судьбами русской и общечеловеческой культуры и цивилизации, также оставила неизгладимый след не только в поэтике писателя.

Кстати, внимание русских писателей этого периода было одновременно привлечено к вопросу продиктованному эпохой, вопросу перевоспитания человека и общества. В русской литературе того периода проявилось,

¹ См. В. Ковский, *Романтический мир Александра Грина*, Москва 1969; J. Litwinow, *Proza Aleksandra Grina*, Poznań 1986.

впрочем как и в общественно-политической мысли, несколько путей обновления и исправления существующих порядков². Первый путь соединялся с неохристианством, с моральным перевоспитанием или возрождением человека; второй – базировался на марксизме и был нацелен на радикальные общественно-политические перемены – очень заманчивые, но и непредсказуемо опасные особенно в области сохранения культурной традиции.

В литературе эти стремления проявлялись довольно расплывчато, хотя с течением времени поляризация положений все более усугублялась³. Резкое размежевание позиций по отношению к культуре, в первую очередь, к европейской христианской культуре, с особой силой проявилось именно в двадцатые годы. Такое положение вещей повлияло на характер применения и использования религиозных мотивов в литературе.

В этом отношении особый интерес вызывает в русской литературе начала века (десятые, двадцатые годы) именно декадентские течения и тенденции. Сразу надо сделать оговорку, что мы отнюдь не намерены придерживаться той крайней позиции критики, бытующей до сих пор, которая стремится к полному и резкому отрицанию этих явлений, чаще всего сведенных лишь к упадническим настроениям⁴. Наоборот мы считаем русское декадентство весьма своеобразным и даже оригинальным, особенно в отношении решении вопроса роли и значения культуры, прошлого культурного наследия, в частности христианской культуры. Следовательно дело не только в определенных настроениях (типа мировой скорби), но и идейных положений.

Надо одновременно добавить, что если на Западе декадентство – это вполне определившееся литературное направление, то в России оно стало довольно расплывчатым и проявлялось скорее в симбиозе с символизмом, натурализмом, импрессионизмом или экспрессионизмом. Об этом свидетельствует творчество Валерия Брюсова, Константина Бальмонта, Федора Сологуба, конечно Александра Грина и др.

Самой характерной чертой декадентства является не только отрицание реализма, позитивизма и сцэнтизма, но и создание новой специфической литературы. Для такой литературы самым важным в жизни, и в творчестве становится индивидуализм и эстетизм, именно культ созидания и красоты.

² Z. Barański, *Literatura lat 1896-1917*. В: *Historia literatury rosyjskiej*, pod red. M. Jakóbca, Warszawa 1976, s. 460, wyd. II.

³ *Rosyjskie kierunki literackie. Przełom XIX i XX wieku*, wybór i opracowanie Z. Barański i J. Litwinow, Warszawa 1982.

⁴ А. Г. Соколов, *История русской литературы конца XIX начала XX века*, Москва 1979, с. 152-184.

В связи с этим многие аспекты реальной жизни, в том числе и религиозные мотивы, писатели близкие к декадентским идеям вполне сознательно подчинили своему профетизму, искусству. В этом отношении они резко отличались от символистов и приверженцев неохристианства, а также новых нигилистов из лагеря пролетарской культуры.

Конечно, Грин и другие русские писатели, увлеченные некоторыми декадентскими идеями, скорее стремились освободить своих героев от четко разработанной сферы религиозных догм и ограничений. Интересен в этом отношении именно Грин. Об этом свидетельствует целая галерея гриновских героев от ярких индивидуалистов до не менее интересных альтруистов – от Гнора до Давенанта и Друда, то есть от первых, так называемых, эсеровских рассказов до последних романов изданных в конце двадцатых годов.

Неоднократно индивидуализм героев Грина (особенно в ранних рассказах) был сродни романтическим персонажам Лермонтова, Байрона, или Мицкевича в своем противопоставлении, отрицании или борьбе с Богом (*Она*) отождествляемым с роком, судьбой. Тем не менее герои Грина (Гнор, Гинч, Блюм, Гез) не повторяли романтический типаж, не стали романтическими типами, в чем настойчиво уверяла нас критическая литература⁵. Дело здесь не только в том, что концепция героя подвергалась у Грина эволюции. В ней важную роль сыграло влияние и одновременно отталкивание, полемика с идеями Ф.Ницше (концепция сильного человека, аморализм), которые в конце автор *Крысолова* подчинил главным принципам своей идейно-эстетической программы (дидактизм).

Характерной чертой такого типа героев (положительных и отрицательных) стало полное равнодушие к религии. Это видимо своеобразное явление декадентской литературы, сложившееся под влиянием учения Ницше.

Конечно, в некоторых произведениях автора *Джесси и Моргианы* встречаются даже антирелигиозные (*Жизнеописание великих людей*) или антиклерикальные акценты (*Капитан Дюк*). Неоднократно проявляется и богоборчество (*Она, Карантин*).

Герои Грина и других русских писателей той поры „стремились не в обитель, а скорее хотели завоевать мир. Совершали это не в одиночку а с полным сознанием своей связи с большими, современными обществами“⁶, переживающими крупные цивилизационные и экзистенциальные проблемы.

⁵ См. Ю. Киркин, *Александр Грин. Библиографический указатель*, Москва 1980; Н. Кобзев, *Критика о творчестве А. Грина при жизни писателя*, „Вопросы русской литературы“ 1971, № 1; А. Шевченко, *А. С. Грин в советской критике*. В сб.: Вопросы русской и зарубежной литературы, Ростов-на-Дону 1967.

⁶ M. Głowiński, *Maska Dionizosa*. В кн.: *Młodopolski świat wyobraźni. Studia i eseje*, pod red. M. Podrazy-Kwiatkowskiej, Kraków 1977, с. 292.

Поэтому Грин, сам устремленный к дидактизму не мог все-таки согласиться с евангелизмом, минимализмом и вегетарианством Льва Толстого⁷. Автор *Алых парусов* пытался воспитать своего нового, стремящегося к демократизму читателя, не столь на основе Декалога, сколь широко понятом гуманизме и совершенствовании единицы в тесной связи с природой и культурным наследием.

Герой Грина эволюировал в том направлении, отвергая и аморализм декадентства (также проявляющийся в раннем творчестве писателя) и мистицизм символистов. В этом отношении полемика Грина с символистами ярко проявилась в романе *Блестающий мир*.

Однако герои Грина (Давенант, Грей, Ассоль, Друд) это не атеисты в марксистском понимании и не те типы персонажей русской литературы советского периода, которые вдруг не только забыли о Боге, но и вообще о христианской культуре, сложившейся тысячелетиями.

Герои Грина зрелого периода погружены в культуру, искусство и природу. Они гармоничны на особый лад, скорее декадентский лад, то есть учитывающий монизм, полную свободу – раскрепощение духовных физических сил и возможностей человека. Поэтому Грин культивировал декадентскую веру в силу искусства без Бога, верил в могущество воздействия такого искусства на человека. В этом именно отношении эта вера смыкается с учением Ницше о гармоническом человеке, связанным с искусством, знанием и природой. Именно поэтому герои Грина гораздо сильнее и глубже связаны с искусством и природой, чем с религией. В этой связи с искусством можно найти реализацию Грином модернистского постулата синкретизма искусства, о чем свидетельствуют почти все произведения писателя, особенно же последние романы (*Золотая цепь*, *Блестающий мир*, *Дорога никуда*, *Джесси и Моргиана*).

Однако негация Грином приоритета религии и веры в Бога отнюдь не сводилась к отрицанию христианской культуры и ее многочисленных и разнообразных атрибутов, что проявилось именно в применении писателем многих религиозных мотивов.

Герои Грина знают *Библию* единственную священную книгу всех христиан, основу христианской культуры и морали. Писатель неоднократно цитирует *Библию*, использует многочисленные эпизоды, мотивы и символы. Есть даже цитата из *Библии* в качестве эпиграфа (см. рассказ *Трагедия плоскогорья Суан*), что имеет особое значение.

Автор *Крысолова* использует библейский источник в своих целях. Характерным примером является своеобразный эпизод в церкви из романа *Блестающий мир*. Кстати этот фрагмент в первом издании книги подвергся остракизму, то есть был исключен⁸.

⁷ См. J. Litwinow, ук. соч., с. 58-59.

⁸ См. А. Грин, *Блестающий мир*, Москва–Ленинград 1924.

Друд, главный герой *Блестающего мира*, особо ценился писателем в морально-этическом отношении, пожалуй, даже больше чем Иисус Христос. Именно это доказывает весьма шокирующая, но отнюдь не антирелигиозная сцена, когда для Руны, героини романа и антиподу Друда он представляется учителем и наставником маленького Христа, находящегося на руках Богоматери. Ведь в этом эпизоде главный герой обращает внимание Иисуса на компас и морскую раковину – атрибуты правильности моральных путей человечества якобы забытых Христом, потерявшим интерес к шуму и гулу волн человеческих страстей, порывов и поисков.

Этот эпизод в романе приобретает прямое символическое значение, которое расшифровывается не только в контексте целого произведения Грина, но и *Библии*, утвердившей символический смысл образа Богоматери с Младенцем.

Точно так же никак нельзя понять смысла поведения жителей Каперны из *Алых парусов* без контекста *Библии*. Это касается и отношения молодого Грея к картине распятого Христа, то есть, к его страданиям.

Также целый ряд чудес, образов и эпизодов совершенно неестественного порядка имеет прямое или косвенное отношение к *Библии*. Об этом свидетельствует образ Друда („летающего человека“) из *Блестающего мира*, Фрези Грант из *Бегущей по волнам* или прозревшего Рена из рассказа *Судьба взятая за рога* и др. Эти образы и эпизоды приобретают в контексте *Библии* более глубокий морально-этический смысл, но с другой стороны возвеличивают героя, человека в нравственном отношении и указывают на его возможности. Иначе говоря, дидактика Грина – многогранная, использующая намек и ссылку на *Библию*, привлекающая своей символикой и толкающая читателя к ассоциациям, сопоставлениям и раздумиям. Она принуждает читателя к активному восприятию произведения и его универсальных идей.

Есть в этих ссылках своеобразная тенденция к поучительности, к наставничеству, особенно в зрелом периоде творчества автора *Блестающего мира*, но оно довольно далекое от религиозного мировоззрения. Дидактизм Грина осуществляется путем переделки, намека травестиции многих цитат, сцен, эпизодов из *Ветхого* и *Нового Заветов* во имя его литературных целей.

Такой декадентский, прагматический подход Грина к религиозным мотивам, как атрибутам вообще христианской культуры, указывает на существование в русской литературе начала века гораздо более сложных путей решения вопроса преемственности традиции, решаемой не только в рамках трафаретной оппозиции реализма – модернизма. Притом трактовка Грином религиозной культуры не была оторвана от общеевропейских тенденций в этом отношении.

RELIGIOUS MOTIVES IN ALEXANDER GRIN'S WORKS

by

JERZY LITWINOW

Summary

In this article the author presented the role and place of Christian religious motives in the works of the author of *Scarlet sails*. Attention was drawn to the strong pressure of decadent ideas onto Grin's relation to religious motives which found their full expression in their subordination to the writer's ethic and aesthetics. It is just from here that a serious difference in treating religious motives results – in Grin, L. Tolstoi or in the works of Russian symbolists as well as certain similarity to F. Nietzsche. However, the specific indifference to religion found in Grin did not at all lead to the rejection of the Christian culture and its many attributes which are found in the works of this Russian writer.